

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ПЕЧАТЬ
НЕБЕСНОГО БОГА

Том 1: Клеймо отброса.

Ярослав Северцев
Печать небесного Бога.
Том 1. Клеймо отброса
Серия «Печать
Небесного Бога», книга 2

*<https://litres.ru/74457124>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В мире, где культиваторы бессмертных смотрят на обычных людей как на грязь под подошвами своих шелковых туфель, у семнадцатилетнего Вэй Лина не было ни единого шанса. Сын покалеченного кузнеца с окраины Синьяна, парень с полностью забитыми от рождения духовными каналами — в глазах великих кланов он был лишь «мусорным червем». И когда высокомерный гений местной секты решает забрать единственное, что было дорого Вэй Лину, — его судьба кажется предрешенной. У нищего ремесленника есть только два пути: смириться и сгнить в нищете или совершить самоубийство, шагнув в проклятый Магический Лес, откуда еще никто не возвращался живым. Вэй Лин выбирает безумие. Но там, в непроглядной тьме древних расщелин, вместо смерти его ждало то, что заставит содрогнуться весь обитаемый мир. Древнее запечатанное наследие, утерянные миллионы лет

назад запретные техники и ярость существа, чье имя когда-то гремело над небесами, вливаются в его меридианы.

Ярослав Северцев

Печать небесного Бога.

Том 1. Клеймо отброса

Глава 1: Клеймо отброса

Запах раскаленного горна и дешевого древесного угля преследовал Вэй Лина сколько он себя помнил. В свои семнадцать лет он знал о мире культиваторов лишь две вещи: они были подобны небожителям, чьи одежды никогда не пачкались в уличной грязи, и они абсолютно не считали за людей тех, кто не владел духовной энергией.

Окраина города Синьян, зажата между величественными каменными стенами и подножием туманных гор, задыхалась от сырости и нищеты. Вэй Лин устало опустил тяжелый кузнечный молот на полосу низкосортного железа. Искры брызнули в стороны, на мгновение осветив его худощавое, бледное лицо и пропотевшую, серую от сажи рубаху. Руки парня были покрыты старыми мозолями и свежими ожогами, а под левым глазом наливался багровый синяк — утреннее «напоминание» от сыновей местного мясника о том, где именно находится его место в сословной иерархии.

— Лин-эр, отдохни, — глухой, надсадный кашель раздался из глубины мастерской. Старый Вэй, его отец, сидел на низком табурете, пытаясь перевязать дрожащими пальцами

искалеченную руку. Когда-то он был мастером средней руки, но после того, как банда бродячих практиков разграбила их обоз, остался калекой с разбитыми меридианами. Теперь их удел — ковать мотыги для крестьян и подковы для чужих лошадей. — Ты махаешь молотом с самого рассвета. Твое тело не железное.

— Все в порядке, отец. Нужно закончить этот заказ до полудня, иначе староста опять урежет плату, — тихо ответил Вэй Лин, утирая пот со лба тыльной стороной ладони.

В его голосе не было злости, только глухая, звенящая усталость. Но внутри него горел незатухающий костер. Он не хотел всю жизнь провести у этого горна, кашляя от угольной пыли и кланаясь каждому встречному практику, чья единственная заслуга заключалась в наличии «духовного корня».

Закончив работу, Вэй Лин бережно завернул готовые инструменты в грубую мешковину и вышел на улицу. Город Синьян жил своей бурной, контрастной жизнью. Центр города блистал черепичными крышами поместий великих кланов, над которыми то и дело пролетали на сияющих мечах мастера боевых искусств, оставляя в небе легкий шлейф чистой энергии ци. Здесь же, на окраине, пахло гнилой соломой, нечистотами и дешевым вином.

Вэй Лин старался идти быстро, опустив голову, чтобы не привлекать внимания. Но удача сегодня была не на его стороне. Стоило ему свернуть в узкий переулок, ведущий к рыночной площади, как дорогу ему преградили трое молодых

людей в чистых, опрятных одеждах из плотного шелка. Это были молодые послушники местной школы боевых искусств — дети зажиточных торговцев, которые смогли оплатить их обучение.

— О, глядите-ка, кто это у нас ползет? Мусорный червь из кузни! — донесся высокомерный голос. Возглавлял троицу Чэнь Бо, плотный парень с тяжелой челюстью и сальной улыбкой. Он уже достиг первой стадии Закалки Тела и невероятно гордился этим.

— Мне нужно доставить заказ, пропустите, — не поднимая глаз, глухо произнес Вэй Лин, сжимая сверток крепче.

— Пропустить? — Чэнь Бо рассмеялся, и его спутники подхватили хохот. — А где твоя вежливость, ничтожество? Ты забыл, как нужно приветствовать будущих мастеров? На колени.

Вэй Лин замер. Каждая клеточка его существа кричала о несправедливости. Он поднял взгляд, и в его темных глазах на мгновение вспыхнула такая яростная, первобытная гордость, что Чэнь Бо невольно сделал шаг назад. Это разозлило задиру еще сильнее.

— Ах ты щенок! Как ты смеешь так смотреть на меня?! — Чэнь Бо сделал резкий выпад. Его кулак, окутанный едва заметной, мутной сероватой дымкой слабой ци, врезался Вэй Лину прямо в дыхание.

Удар мастера Закалки Тела, даже начального уровня, для обычного человека был подобен удару тарана. Воздух с сипе-

нием вырвался из легких Вэй Лина. Его ноги оторвались от земли, и он сильно ударился спиной о каменную стену дома, сползая в грязь. Сверток с инструментами вылетел из рук, с грохотом рассыпавшись по мостовой.

— Хлам ковал, хламом и остался, — сплюнул Чэнь Бо, наступая тяжелым сапогом на пальцы распростертого парня и с силой вдавливая их в острые камни. Вэй Лин закусил губу до крови, чтобы не закричать. — Еще раз увижу такой взгляд — сломаю твои рабочие руки, понял?

Они ушли, пиная разбросанные мотыги и смеясь. Вэй Лин остался лежать в грязи. Боль в раздавленных пальцах пульсировала, отдавая в плечо, но куда сильнее горела его раненая душа. Он медленно, преодолевая слабость, поднялся на колени и стал собирать инструменты. Его трясло от бессилия. В этом мире без силы ты был просто грязью под ногами у тех, кто сильнее.

Он очистил одежду, как мог, закончил доставку, выслушав очередные ругательства от недовольного старосты за задержку, и побрел к восточным воротам города. Ему нужно было побыть одному. Туда, где начинались сады великих кланов, обычным людям ход был заказан, но Вэй Лин знал одну тропинку у подножия холма, откуда открывался вид на цветущие вишневые аллеи.

Там, среди весеннего благоухания, мир казался другим. И там была она.

Су Мэйлинь. Дочь главы клана Су — одного из трех ве-

ликих столпов Синьяна. Девушка, чья красота была подобна первому лучу солнца на заснеженной вершине, а талант к культивации заставлял старейшин секты говорить о ней с придыханием. Она была чиста, как нефрит, и недосягаема, как луна.

Вэй Лин затаил дыхание, когда увидел ее силуэт на террасе у пруда с лотосами. На ней было легкое бирюзовое платье, расшитое серебряными нитями, которое плавно развевалось на ветру. Она практиковала движения с веером, и вокруг нее закручивались аккуратные, кристально чистые потоки воздушной ци. Это было не просто боевое искусство, это был танец самой природы.

Внезапно Мэйлинь остановилась. Ее чуткий слух, развитый культивацией, уловил шорох листвы. Она обернулась, и ее строгий, настороженный взгляд мгновенно смягчился, когда она увидела Вэй Лина, робко стоящего за кустами дикой розы.

— Лин? — тихо, словно боясь вспугнуть, произнесла она. Ее голос прозвучал как звон серебряных колокольчиков. Она сделала несколько быстрых шагов к ограде террасы. — Ты снова пришел. Но... что с твоим лицом? И твои руки...

Она заметила ссадины и распухшие, грязные пальцы. В ее глазах, обычно холодных для всех остальных, вспыхнуло искреннее сострадание и скрытая боль.

— Ничего страшного, Мэйлинь. Просто упал в кузне, — попытался улыбнуться Вэй Лин, пряча руки за спину. Ему

было невыносимо стыдно представлять перед ней в таком виде — избитым, униженным, пахнущим дымом и грязью перелуков.

— Опять Чэнь Бо и его прихвостни? — догадалась она, и ее тонкие брови сошлись на переносице. В ней проснулась властность наследницы великого клана. — Я прикажу страже...

— Нет, не нужно! — перебил ее Вэй Лин, пожалуй, слишком резко, а затем тише добавил: — Пожалуйста. Если твой клан узнает, что ты заступаешься за сына ремесленника, тебе не поздоровится. Твой отец и так ищет повод запретить тебе выходить к садам.

Мэйлинь опустила голову. Пропасть между ними была размером с Великое Небо. Она — жемчужина клана, он — грязь на дороге. Их редкие, тайные встречи у этой ограды были чудом, которое могло оборваться в любой момент. Вэй Лин знал, что между ними есть ментальная связь, искра, которую они оба боялись признать. Она видела в нем не просто бедняка, а человека с чистым сердцем и несгибаемой волей, который не сломался под ударами судьбы. А он... он просто любил ее больше жизни.

— Мой отец... — Мэйлинь запнулась, ее голос дрогнул. — Вчера к нам приезжали сваты из клана Ван. Они привезли дары. Глава Ван хочет заключить союз. Их старший сын, Ван Тэн, зачислен во внутренний круг Секты Четырех Стихий. Отец... отец склоняется к согласию.

Эти слова ударили Вэй Лина сильнее, чем все кулаки Чэнь Бо. Внутри все похолодело. Ван Тэн. Высокомерный генерал, который смотрел на всех как на насекомых. Если этот брак состоится, Мэйлинь навсегда исчезнет из его жизни, став трофеем в руках сильного клана.

— Когда? — едва слышно спросил Вэй Лин.

— Через три месяца, в день Праздника Серебряной Луны, будет оглашена помолвка, если Ван Тэн привезет в подарок ядро магического зверя третьего ранга, чтобы доказать свою силу, — Мэйлинь посмотрела прямо в глаза Вэй Лину, и в ее взгляде была мольба. Она не хотела этой судьбы. Она хотела, чтобы мир был другим. — Лин, мне страшно.

Вэй Лин смотрел на нее, и в его душе что-то окончательно разорвалось. Безвозвратно и навсегда. Бессилие сменилось холодной, расчетливой яростью обреченного человека.

— Он не получит тебя, Мэйлинь, — твердо сказал парень. Его голос больше не дрожал. В нем появилась странная, пугающая глубина. — Я докажу твоему отцу, докажу всем этим кланам, что я не отброс. Я принесу тебе подарок, который затмит любые дары Ван Тэна.

— Лин, нет! Что ты задумал? Не делай глупостей! — испуганно воскликнула Мэйлинь, протягивая к нему руку через перила, но Вэй Лин уже зловеще и решительно отступил назад, растворяясь в тенях деревьев.

Он принял решение. В тридцати ли от города начинался Магический Лес — проклятое, темное место, куда не осме-

ливались ходить даже опытные практики в одиночку. Там, по слухам, на самой высокой Одинокой Скале гнездилась легендарная Громовая Птица. Ее яйцо обладало невероятной ценностью, способной поднять культивацию мастера ветра на целый уровень.

Это было безумие. Самоубийство для обычного человека. Но Вэй Лин знал: у него нет другого выбора. Либо умереть в грязи, зная, что он даже не попытался спасти свою любовь, либо бросить вызов самой судьбе. И он выбрал вызов.

Глава 2: Недостигаемая звезда

Возвращение в отцовскую кузню напоминало спуск в преисподнюю после мимолетного визита в чертоги бессмертных. Вэй Лин шел по темнеющим улицам Синьяна, механически переставляя ноги. В его ушах все еще звенел хрустальный голос Мэйлинь, а перед глазами стоял ее испуганный, полный скрытых слез взгляд.

«Через три месяца... В день Праздника Серебряной Луны», — эти слова метрономом стучали в его висках, отсчитывая время до краха всего, что было ему дорого. Three months. Всего девяносто дней отделяли девушку, которую он боготворил, от превращения в живой товар для укрепления могущества двух кланов.

Когда он переступил порог мастерской, горн уже почти остыл. Угли едва заметно мерцали багровым цветом в полумраке, бросая длинные, уродливые тени на закопченные стены. Старый Вэй сидел за деревянным столом, тупо уставив-

шись на щербатую пиалу с остывшей жидкой рисовой кашей. Его искалеченная рука, замотанная серой тряпкой, безжизненно лежала на коленях.

— Ты долго, Лин-эр, — тихо произнес отец, не поднимая головы. Его плечи казались еще более сгорбленными, чем обычно. — Староста приходил. Сказал, что ты принес помятые инструменты. Срезал половину платы. Опять...

Вэй Лин замер у порога. Сердце сжалось от острой, болезненной жалости к этому человеку, который когда-то был сильным и гордым, но был сломан безжалостными жерновами этого мира. Чэнь Бо и его банда не просто избили Вэй Лина — они отняли у его семьи возможность нормально пожить в ближайшие дни.

— Извини, отец, — Вэй Лин подошел ближе и положил руку на сухое, костлявое плечо старика. — На меня напали люди Чэнь Бо. Я не смог защитить товар.

Старый Вэй тяжело вздохнул, и этот вздох перешел в сухой, лающий кашель. Он поднял на сына свои тусклые, слезящиеся глаза, в которых читалось лишь глухое, беспросветное отчаяние.

— Практики... — прохрипел он, сплевывая на земляной пол кровавистую сгустку. — Проклятые культиваторы. Для них мы хуже скота, Лин-эр. Не связывайся с ними. Держи голову ниже. Нам нужно просто дожить свой век. Не смотри на небо, сынок, упадешь и разобьешься.

Вэй Лин промолчал. Он не стал говорить отцу, что уже

посмотрел на небо. И что теперь готов прыгнуть в бездну, лишь бы достать до этого неба рукой.

Ночью, когда старик уснул, оглашая маленькую комнатку тяжелым, прерывистым хрипом, Вэй Лин не ложился. Он сел на циновку в углу и начал готовиться к тому, что любой здравомыслящий житель Синьяна назвал бы чистым самоубийством.

У него не было изящных артефактов, защитных талисманов или целебных пилюль, которые гордые молодые мастера брали с собой на охоту. Все его снаряжение состояло из вещей, которые он смог найти в кузне. Он выбрал самый прочный, трижды перекованный охотничий нож с тяжелым лезвием — единственное ценное оружие, оставшееся от прежних запасов отца. Наточил его на бруске до такой степени, что лезвие бесшумно сбрасывало волоски на предплечье.

Затем он нашел старую, но крепкую пеньковую веревку длиной около двадцати локтей, которую кузнецы использовали для подъема тяжелых бревен, и три железных клина. Если ему придется лезть на Одинокую Скалу за яйцом Громовой Птицы, эти примитивные инструменты будут его единственной страховкой между жизнью и смертью. В кожаный мешочек на поясе он насыпал немного соли, сушеных лепешек, которые они с отцом пекли раз в неделю, и завернул флягу с колодезной водой.

Закончив сборы, парень сел на пороге кузни, глядя на далекие, залитые лунным светом вершины туманных гор. Где-

то там, у их подножия, за плотной стеной вековых деревьев скрывался Магический Лес. Даже отсюда, из безопасного города, казалось, можно было почувствовать ту тяжелую, давящую ауру, которая исходила от тех первозданных земель. Обычные люди верили, что этот лес — пасть древнего чудовища, готовая пожрать любого, кто переступит невидимую черту.

«Завтра», — подумал Вэй Лин, крепче сжимая рукоять ножа. — «Завтра все изменится. Или я погибну, или перестану быть червем».

На следующее утро, едва первые лучи солнца коснулись черепичных крыш богатых кварталов, Вэй Лин уже стоял у восточных ворот Синьяна. Город только просыпался. Сонные стражники в легких кожаных доспехах лениво зевали, опершись на копья. На парня с грязным холщовым мешком через плечо никто не обратил внимания — мало ли нищих бедолаг уходит на рассвете собирать хворост или дикие корни у подножия холмов.

Дорога к границе леса заняла почти четыре часа. Чем дальше Вэй Лин уходил от города, тем реже становились крестьянские поля, уступая место заброшенным пустошам, заросшим колючим кустарником и высокой, пожелтелой травой. Воздух постепенно менялся: он становился более прохладным, влажным и каким-то... густым. Вэй Лин, чьи духовные каналы были забиты от рождения, не мог видеть ци, но даже его неразвитое тело чувствовало, как эта дикая, пер-

вобытная энергия давит на грудь, затрудняя дыхание.

Вскоре перед ним выросла Стена. Так местные жители называли границу Магического Леса. Деревья здесь были колоссальных размеров — их стволы, покрытые серым, словно окаменевшим мхом, уходили ввысь на десятки чжанов, а переплетенные кроны почти полностью закрывали небо, создавая внизу вечный, зловещий полумрак. Из глубины чащи доносились странные, ни на что не похожие звуки: глухое рычание, свист, от которого закладывало уши, и треск ломающихся ветвей.

Вэй Лин остановился в нескольких шагах от опушки. Его сердце бешено колотилось в груди, словно пойманная птица. Руки, привыкшие к тяжелому молоту, сейчас мелко дрожали. Страх — древний, инстинктивный страх перед неизвестным и превосходящим — сковал его тело. Один шаг. Всего один шаг отделял его от привычного, пусть и унизительно-го мира, где его быют, но оставляют жить, от места, где его жизнь не стоит и ломаного гроша.

В этот момент в его памяти снова всплыло лицо Ван Тэна — молодого гения клана Ван, которого он мельком видел на городской площади несколько недель назад. Ван Тэн ехал на белоснежном коне, его шелковые одежды сияли чистотой, а на лице застыла маска ленивого превосходства. Весь город кланялся ему. И этот человек заберет Мэйлинь. Он будет прикасаться к ней, он сделает ее своей тенью.

— Нет... — прошептал Вэй Лин.

Страх внутри него мгновенно выгорел, уступив место чистой, концентрированной ярости. Гордость, которую в нем годами втапывали в грязь, восстала с новой, невиданной силой. Он не вернется назад нищим калекой.

Парень поправил лямку мешка, перехватил поудобнее охотничий нож и сделал шаг вперед, переступая невидимую границу между миром людей и миром монстров. Смертоносная чаща Магического Леса сомкнулась за его спиной, поглотив его хрупкий силуэт в своих вечных, безмолвных тенях.

Глава 3: Проклятый лес

Внутри Магического Леса царил вечный, зеленовато-серый полумрак. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь плотный купол гигантских крон, терял свое тепло и падал на землю блеклыми, мертвенными пятнами. Воздух здесь был тяжелым, влажным и пах гниющим деревом, прелыми листьями и чем-то сладковато-металлическим — запахом застарелой крови.

Вэй Лин двигался медленно, стараясь не производить ни единого лишнего звука. Каждый его шаг был выверенным: он аккуратно ставил ногу сначала на носок, проверяя, нет ли под слоем мха сухой ветки, которая могла бы с треском сломаться. Охотничий нож он держал в правой руке, и его ладонь уже вспотела, намертво сжав шершавую деревянную рукоять.

Мир вокруг него казался живым и враждебным. Огромные папоротники в рост человека покачивали своими перистыми листьями, словно щупальцами, а стволы древних деревьев были обвиты толстыми, узловатыми лианами, похожими на застывших в удушающих объятиях змей. Несколько раз парень замечал на коре глубокие следы от когтей — такие огромные, что у него перехватывало дыхание. Обычный волк или медведь не смогли бы оставить такие шрамы на железном дереве. Это были следы магических зверей.

«Думай, Лин, просто думай», — твердил он себе, пытаясь унять колотящееся в висках сердце. — «Ты не можешь сражаться с ними силой. Твоя единственная сила сейчас — это то, что ты маленький и незаметный».

Кузнечная закалка, как ни странно, очень помогала ему. Годы тяжелого труда у горна сделали его выносливым, а постоянная необходимость следить за движениями молота развила быструю реакцию и периферийное зрение. Он замечал малейшее движение в кустах и тут же замирал, превращаясь в неподвижную статую.

К полудню Вэй Лин вышел к небольшому ручью, который пробивался сквозь нагромождение замшелых валунов. Вода в нем была кристально чистой, но парень не спешил пить. Он осмотрел берег и заметил на илистой почве свежие отпечатки лап. Они напоминали кошачьи, но размером были с хорошую суповую чашу, а в центре каждого отпечатка отчетливо виднелась глубокая дыра от когтя.

Внезапно со стороны густых зарослей можжевельника на другом берегу ручья донеслось тихое, утробное рычание.

Вэй Лин замер, почти перестав дышать. Его взгляд медленно переместился на кусты. Сквозь листву на него смотрели два круглых, горящих желтым огнем глаза. Медленно, бесшумно из тени вышла Призрачная Пантера — магический зверь первого ранга. Ее шкура была угольно-черной, но по ней, словно жидкое серебро, то и дело пробегали бледные светящиеся полосы. Зверь был поджарым, мускулистым, а изо рта у него торчали два длинных, похожих на кинжалы клыка.

Паника ледяной волной окатила парня. Против такого хищника у обычного человека не было ни единого шанса. Одно движение пантеры — и его горло будет перерезано. Зверь припал к земле, его хвост с костяным наконечником раздраженно заходил из стороны в сторону. Он готовился к прыжку.

Вэй Лин понимал: бежать бесполезно, пантера догонит его в два прыжка. Времени на размышления не оставалось. Вспомнив рассказы старых охотников, заходивших в кузню, он знал, что многие магические звери полагаются на зрение и движение, но боятся резких, неестественных запахов и ослепительного света.

В левой ладони у него был зажат мешочек с солью и острой перечной смесью, которую он взял из дома для маскировки собственного запаха. Судорожным движением Вэй

Лин рванул шнурок мешка. В этот же миг пантера оттолкнулась от земли, превратившись в черную молнию, летящую через ручей.

— На! — вскрикнул Вэй Лин, вкладывая всю свою силу в бросок.

Он плеснул едкую смесь прямо перед собой, создав плотное облако из соли и жгучего перца. Пантера, раскрывшая пасть в прыжке, влетела прямо в это облако. Перец и соль мгновенно забили ее чуткие ноздри и обожгли глаза.

Зверь дико, пронзительно взвизгнул, потерял ориентацию в воздухе и с тяжелым плеском рухнул прямо в ручей, не долетев до парня всего пару локтей. Пантера каталась по воде, яростно трысая лапами морду и оглашая лес болезненным ревом. Вода вокруг нее запенилась.

Вэй Лин не стал ждать, пока хищник придет в себя. Не разбирая дороги, он бросился бежать в противоположную сторону. Он мчался сквозь кусты, ветки царапали его лицо и рвали одежду, но он не обращал на это внимания. Легкие горели огнем, ноги подкашивались от запредельного напряжения, но страх гнал его вперед, прочь от проклятого ручья.

Он бежал до тех пор, пока деревья вокруг не начали редеть, а склон под ногами не стал резко уходить вверх. Парень тяжело дышал, привалившись спиной к огромному валуну. Его руки дрожали так сильно, что он едва не выронил нож. На щеке ниже глаза сочилась кровь из глубокой царапины, но он был жив. Он переиграл магического зверя.

Подняв голову, Вэй Лин замер в благоговейном трепете. Перед ним, пробивая купол леса, высилась Одинокая Скала. Это был гигантский каменный палец, уходящий высоко в небо. Его отвесные стены из серого гранита казались абсолютно гладкими и неприступными. А на самой вершине, окутанная легкой дымкой из бледных электрических разрядов, виднелась массивная корона из толстых сухих ветвей и костей.

Гнездо Громовой Птицы.

Цель его безумного путешествия была прямо перед ним. Вэй Лин посмотрел на свои разбитые, исцарапанные пальцы, затем перевел взгляд на уходящую в облака кручу. Назад дороги не было. Сделав глубокий вдох, он достал из мешка пеньковую веревку и железные кузнечные клинья. Самое страшное испытание только начиналось.

Глава 4: Шаг в бездну

Каждый вершок серого гранита Одинокой Скалы дышал первозданным холодом и смертью. Вблизи утес казался еще более монументальным и устрашающим, чем снизу. Его отвесные кручи уходили почти вертикально вверх, теряясь в низких грозовых облаках, которые, казалось, специально сгущались над обителью Громовой Птицы. Воздух здесь был пропитан сухим, колючим озоном, от которого волосы на руках Вэй Лина вставали дыбом, а на языке оставался стойкий металлический привкус.

Парень завязал вокруг пояса тяжелую пеньковую веревку, проверил, надежно ли сидят в кожаных чехлах кузнечные клинья и охотничий нож, и сделал первый шаг вверх. Ползти по отвесной стене без использования духовной энергии ци было чистым безумием. Культиваторы могли бы просто взлететь или использовать легкость тела, чтобы скользить по выступам, но у Вэй Лина были только его собственные мышцы, закаленные годами изнурительного труда в отцовской кузне, и негибкая, граничащая с одержимостью воля.

— Я смогу. Я должен, — шептал он сквозь зубы, вбивая первый железный клин в узкую расщелину камня с помощью небольшого кузнечного молотка, который он предусмотрительно захватил с собой. Глухой стук железа о гранит показался ему оглушительным, и парень испуганно замер, вжимаясь всем телом в холодную скалу и прислушиваясь к небу. Но из облаков доносился лишь мерный, раскатистый гул далекого грома.

Подъем превратился в бесконечную пытку. Локти и колени Вэй Лина очень быстро превратились в сплошное кровавое месиво. Пальцы рук, судорожно цеплявшиеся за малейшие неровности и сколы гранита, онемели от холода и напряжения. Рубаха на спине давно промокла от пота, который теперь остывал под порывами ледяного горного ветра, заставляя парня крупно дрожать.

Когда он преодолел примерно половину пути, Одинокая Скала преподнесла ему первое суровое испытание. Глад-

кий участок гранита протяженностью около двух чжанов не имел вообще никаких выступов. Единственной зацепкой была глубокая вертикальная трещина чуть выше человеческого роста. Вэй Лин, тяжело дыша и балансируя на узком карнизе шириной в пол-ладони, поднял руку, чтобы вбить очередной клин.

В этот момент резкий, шквалистый порыв ветра ударил его в спину. Нога парня соскользнула с обледеневшего уступа. Из груди вырвался короткий вскрик. Вэй Лин полетел вниз, но инстинкты, выработанные тысячами часов работы с падающим раскаленным металлом, сработали быстрее разума. Он выбросил левую руку вперед и мертвой хваткой вцепился в острый край трещины.

Его тело с силой качнулось на стене, ударившись о гранит. Сильная, пронзительная боль прошла плечо, едва не заставив его разжать пальцы. Вэй Лин повис на одной руке над бездной, в которой макушки гигантских деревьев Магического Леса казались теперь мелким зеленым мхом. Кровь из разрезанной о камень ладони струилась по запястью, окрашивая серый гранит в багровый цвет.

Закусив губу до мяса, преодолевая дикую боль в суставах, он подтянул вторую руку, нашел носком сапога крошечную опору и снова зафиксировал тело. Сердце колотилось в горле так сильно, что едва не выбивало зубы. Нижняя челюсть тряслась от пережитого ужаса, но взгляд парня оставался прикован к вершине. Там, наверху, была свобода Мэй-

линь. Там было его право называться человеком.

Спустя еще два часа изнурительного, полуобморочного подъема, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая облака в тревожные кроваво-красные тона, Вэй Лин наконец дотянулся до края огромного плато на вершине скалы. Шатаясь от предельной усталости, он перевалился через край и упал лицом на жесткую сухую траву, жадно глотая холодный воздух.

Гнездо Громовой Птицы превосходило все его ожидания. Оно представляло собой колоссальное сооружение из вековых стволов деревьев, переплетенных костями крупных магических животных. В центре этого жуткого и величественного сооружения, на мягкой подстилке из переливающихся синих перьев, лежало оно.

Яйцо Громовой Птицы.

Размером оно было с голову взрослого мужчины. Его скорлупа имела глубокий, полупрозрачный лазурный цвет, а под ней, словно живые, пульсировали и извивались тонкие ветвистые молнии. От яйца исходило осязаемое тепло и мощнейшая аура чистой воздушной ци, которая заставила израненную кожу Вэй Лина приятно покалывать.

— Получилось... — хрипло выдохнул парень. Слезы облегчения и безумной радости брызнули из его глаз. Он подполз к гнезду, бережно, словно величайшую драгоценность в мире, поднял яйцо и укутал его в мягкую холщовую ткань, прежде чем убрать в свой мешок за спиной. Ценность этого

артефакта была такова, что клан Су просто не смог бы проигнорировать такой дар. Это было сокровище, способное изменить баланс сил в Синьяне.

Но торжество его было недолгим.

Внезапно небо над Одинокой Скалой потемнело, превратившись в иссиня-черную грозовую тучу. Раздался пронзительный, яростный крик, от которого каменное плато под ногами зашаталось, а из ушей Вэй Лина потекла тонкая струйка крови. Птица возвращалась.

Парень в ужасе вскинул голову. Сквозь тучи к вершине летело чудовище. Размах крыльев Громовой Птицы составлял не менее десяти чжанов. Ее перья отливали холодным металлом, а из могучего изогнутого клюва вырывались настоящие электрические разряды. Ее огромные, яростные глаза мгновенно сфокусировались на человеческой фигурке возле разоренного гнезда.

Птица сложила крылья и камнем ринулась вниз, окутанная плотным коконом из ослепительных молний. Воздушный поток от ее приближения был настолько силен, что Вэй Лина просто сбило с ног и покатило по каменной поверхности плато.

«Бежать! Только назад!» — единственная мысль, вспыхнувшая в его паникующем сознании.

Он рванул к краю обрыва, где висела его закрепленная веревка. Громовая Птица с грохотом врезалась в скалу позади него. Каменные осколки брызнули во все стороны, один

из них сильно рассек Вэй Лину спину. Чудовище издало еще один оглушительный клекот и взмахнуло крылом. Плотная дуга из чистой электрической энергии сорвалась с ее перьев и ударила точно в место крепления веревки.

Пеньковый канат мгновенно вспыхнул и перегорел, превратившись в пепел.

Вэй Лин, уже прыгнувший на уступ в надежде скользнуть вниз по веревке, обнаружил, что под ним лишь пустота. Опора исчезла. Время словно замедлило свой ход. Он завис в воздухе на мгновение, глядя в яростные, торжествующие глаза магической твари на вершине. А затем сила тяжести безжалостно увлекла его вниз.

Падение было стремительным. Ветер свистел в ушах, разрывая легкие. Мимо его взгляда с бешеной скоростью проносились серые гранитные стены Одинокой Скалы, выступы, которые он с таким трудом преодолевал последние часы.

«Значит... это конец?» — пронеслась в его голове горькая, отрешенная мысль. — «Отец... Мэйлинь... Простите меня. Я не смог».

Вэй Лин крепче прижал к груди мешок с яйцом, инстинктивно пытаясь защитить подарок для любимой даже в свои последние секунды. Внизу стремительно приближались верхушки деревьев Магического Леса, но прямо под Одинокой Скалой, сокрытая густым папоротником и иллюзорным туманом, зияла огромная, глубокая расселина — провал в самой структуре земли, о существовании которого никто в Си-

ньяне даже не догадывался.

Тело парня на огромной скорости пробило плотный слой ветвей, которые немного смягчили удар, но не смогли остановить падение, и с глухим, страшным треском рухнуло в абсолютную, непроглядную тьму древнего подземного провала.

Глава 5: Пробуждение Древнего

Тьма, заполнившая подземный разлом, не была обычной пустотой. Она казалась осязаемой, тяжелой и ледяной, словно за долгие тысячелетия накопила в себе холод похороненных эпох. Тело Вэй Лина, пробив хрупкий свод из вековых корней и поддавшихся от времени плит, с глухим ударом распласталось на каменном полу.

Хруст собственных костей — это последнее, что парень услышал перед тем, как окончательно погрузиться в небытие. Удар полностью уничтожил его грудную клетку, левое плечо превратилось в месиво, а позвоночник пронзила острая вспышка боли, после чего нижняя половина тела полностью онемела. Мешок, который он так отчаянно прижимал к себе, отлетел в сторону. Лазурная скорлупа яйца Громовой Птицы покрылась глубокими трещинами, и из него на древние, покрытые пылью плиты начала медленно вытекать сияющая электрическая эссенция, смешиваясь с лужей человеческой крови.

Вэй Лин умирал. Его дыхание было прерывистым, судорожным, с каждым выдохом со губ срывались кровавые пу-

зыри. Сознание угасало, оставляя лишь крошечную, едва мерцающую искру жизни. В этой предсмертной агонии его пальцы судорожно дернулись, размазывая кровь по гладкому черному камню, на который он упал.

Он не знал, что этот камень не был частью обычной скалы. Это была вершина колоссальной, уходящей глубоко под землю стелы из обсидиана, покрытой мириадами защитных рун. Символы, вырезанные на ней, были настолько древними, что язык, на котором они были написаны, исчез со старых свитков за миллионы лет до появления империи Великого Сяна.

Кровь простого смертного, смешанная с концентрированной духовной энергией разрушенного яйца Громовой Птицы, медленно затекла в глубокие желобки рун.

На мгновение в подземелье воцарилась абсолютная, звенящая тишина. А затем древний могильник содрогнулся.

Бум...

Звук, похожий на удар гигантского подземного колокола, пронесся по огромному залу, скрытому во тьме. Обсидиановая стела вспыхнула багровым, яростным огнем. Защитные цепи из неизвестного белого металла, опутывавшие ее, натянулись со звоном, от которого задрожали своды пещеры, и начали одна за другой с грохотом лопаться, рассыпаясь ослепительными искрами.

Из образовавшихся трещин в стеле хлынула ментальная энергия такой колоссальной мощи, что воздух в радиусе ста

чжанов мгновенно превратился в плазму. Это была не просто ци — это была Воля, выжженная в самой ткани мироздания. Воля существа, которое когда-то повелевало армиями небожителей и чье имя заставляло содрогаться сами небеса.

«Кто... посмел... потревожить мой покой?!» — громовой голос раздался прямо в затухающем разуме Вэй Лина. В нем не было звука, но ментальная волна заставила остатки его черепных костей болезненно завибрировать.

Перед мысленным взором умирающего парня соткалась исполинская фигура. Она была соткана из багрового тумана, золотых молний и запекшейся крови. Лицо существа скрывало забрало массивного шлема, но из прорезей для глаз горели два солнца, в которых бушевали картины великих сражений: крушение летающих городов, гибель драконов и миллиарды воинов, сходящихся в смертельном бою. Это был Бог Войны, погребенный и запечатанный здесь во время Великой Битвы Богов, когда сам мир был расколот надвое.

Существо опустило свой взор на жалкую, изломанную фигурку человека у подножия своей темницы. В его вековых глазах промелькнуло разочарование, смешанное с ледяным высокомерием.

«Смертный ошметок? Ничтожество без духовного корня и с разрушенными каналами? Моя печать... была разрушена кровью этого червя?» — в голосе древнего бога послышалась опасная ярость. Ему, величайшему полководцу ушедшей эпохи, казалось оскорблением, что его освободителем

стал умирающий калека. — «Твое существование — ошибка. Я просто выжгу твою душу и заберу это хрупкое вместилище!»

Багровая нить божественной воли устремилась к сознанию Вэй Лина, готовая мгновенно стереть его личность. Но в этот последний миг, когда грань между жизнью и смертью окончательно истончилась, внутри Вэй Лина восстало то единственное, что у него оставалось.

Его гордость. Та самая яростная, негибкая гордость парня из трущоб, который отказался преклонить колени перед задирами, который переиграл пантеру и бросился в бездну ради своей любви.

«Нет!» — ментальный крик Вэй Лина, пусть хрупкий и слабый по сравнению с божественным океаном, был настолько чистым и концентрированным, что багровая нить на мгновение замерла. — «Я не отдам! Моя жизнь... принадлежит мне! Мэйлинь... Отец... Я не имею права умереть здесь!»

Бог Войны замер. За свои бесчисленные эпохи жизни он видел королей, императоров и великих мастеров, которые ползали перед ним на коленях, умоляя о пощаде. Но этот смертный мальчишка, чье тело было разрушено, чья душа едва держалась в плоти, посмел оскалить зубы на него. На того, кто колол небеса своим копьём.

«Какая дерзость... Какая восхитительная, безумная гордость», — багровый силуэт древнего божества вдруг утробно расхохотался, и этот смех заставил задрожать стены могиль-

ника. — «В тебе нет силы, мальчик, но в твоём духе горит огонь, который я не видел со времен Великой Осады Девяти Небес. Жаль, что твоё тело — мусор. Даже если я уйду, ты умрёшь через три вдоха».

Бог Войны посмотрел на рушащиеся стены своей темницы. Его собственное божественное тело было уничтожено миллионы лет назад, а ментальный дух, лишенный подпитки, стремительно рассеивался в современном, истощённом мире. У него не было времени искать другого практика. Выбор был прост: раствориться в небытии навсегда или рискнуть.

«Что ж, червь... Давай заключим сделку с вечностью», — прогрохотал древний дух. — «Я не стану стирать твою личность. Твой разум слишком слаб для этого — он просто лопнет. Мы станем единым целым. Моя память, мои знания, мой гнев станут твоими. Но плата за это — твоё спокойная жизнь. Отныне твой путь — это вечная война».

Не дожидаясь ответа, исполинская фигура Бога Войны распалась на миллиарды светящихся багровых рун и золотых нитей. Этот колоссальный поток чистой энергии устремился прямо в израненное тело Вэй Лина.

— А-а-а-а-а-а!!! — дикий, нечеловеческий крик разорвал тишину подземелья, когда парень пришёл в сознание от невыносимой, запредельной боли.

Божественная энергия переписывала саму его суть. Сломанные кости с жутким хрустом вставляли на свои места,

срастаясь за считанные мгновения. Разорванные внутренние органы стягивались, наполняясь новой, тяжелой и темной кровью. Но самое страшное происходило внутри его меридианов. Забитые от рождения, узкие духовные каналы Вэй Лина под напором древней силы расширялись, лопались и создавались заново. Это было похоже на то, как если бы по высохшему ручью пустили бурный океанский поток раскаленной лавы.

В его мозг, подобно сорвавшейся лавине, хлынули чужие воспоминания. Тысячи лет войн, миллионы тактических приемов, утерянные формулы древних пилюль, схемы заклинаний, которые могли раскалывать материки, и глубокое, леденящее понимание истинных законов вселенной. Этот объем информации едва не выжег его разум, но несгибаемая воля парня и божественная структура духа удержали сознание на грани безумия.

Когда процесс слияния завершился, Вэй Лин упал на колени, тяжело и хрипло дыша. Его прежняя серая рубаша превратилась в обгоревшие лохмотья. Кожа парня приобрела странный, едва заметный бронзовый оттенок, а под ней время от времени пробегали багровые искры. Но сильнее всего изменились его глаза. Когда он поднял голову, в его некогда мягком взгляде застыла холодная, пугающая глубина, свойственная лишь тем, кто видел гибель миров.

Он медленно поднялся на ноги. Тело больше не болело. Напротив, в нем бурлила такая первозданная, дикая физиче-

ская сила, которой он никогда не чувствовал прежде. Это не была культивация в привычном понимании — его меридианы все еще были пусты от ци, но сама структура его плоти и костей теперь была закалена божественным присутствием.

Вэй Лин посмотрел на свои руки, затем на разрушенную обсидиановую стелу.

— Я жив... — тихо произнес он, и его собственный голос показался ему незнакомым — в нем теперь отчетливо слышался глубокий, рокочущий отзвук Бога Войны. — Я вернусь. И этот мир содрогнется.

Глава 6: Два разума, одна судьба

Тишина, воцарившаяся в подземном чертоге после угасания багрового сияния, казалась абсолютной. Вэй Лин стоял посреди руин древнего капища, окруженный обломками каменных плит и вековой пылью, которая медленно оседала в лучах оставшегося от разрушенной стелы блеклого свечения. Он больше не чувствовал боли от падения. Напротив, его обновленное тело было легким, собранным и наполненным незнакомой, плотной энергией, которая вибрировала в каждой мышце, в каждой кости.

«Итак, смертный... ты выжил», — глубокий, рокочущий голос раздался не снаружи, а прямо в центре его собственного разума. Он шел из глубин сознания, отдельный, властный и невероятно тяжелый. — «Большинство твоих сородичей лопнули бы, словно перезрелые томаты, едва моя воля коснулась бы их меридианов. Но ты удержал мой гнев. Мое

почтение».

Вэй Лин вздрогнул, инстинктивно оглядываясь по сторонам, но тут же вспомнил все, что произошло перед его беспомощностью. Великая битва богов, запечатанное существо, слияние душ. Это не было сном.

— Кто ты? — вслух спросил Вэй Лин, и его голос эхом отразился от далеких невидимых сводов подземелья. В нем по-прежнему слышалась странная, пугающая глубина.

«В ушедшую эпоху, когда эти небеса еще не были столь жалкими и истощенными, меня звали Син Тянь. Глава Воинства Изначального Хаоса. Бог, чье копьё пробивало дыры в границах обитаемых миров», — в ментальном голосе великого духа послышалась горькая, леденящая гордость. — «Но сейчас я лишь эхо. Память, сплавленная с твоей собственной душой. Мы делим это тело, мальчик. Твои глаза — мои глаза. Твоя смерть — моя окончательная гибель».

Вэй Лин зажмурился. Стоило ему закрыть глаза, как перед его внутренним взором развернулся бескрайний океан утраченных знаний. Это было похоже на огромную, бесконечную библиотеку, где вместо книг были живые, пульсирующие сгустки информации. Формулы древних эликсиров, схемы построения армий, секретыковки оружия божественного ранга и, самое главное, боевые техники. Тысячи изощренных способов убивать, защищаться и управлять энергией. Все это теперь принадлежало ему. Он знал эти техники так, словно практиковал их веками.

Однако стоило ему попытаться мысленно «потянуть» за одну из самых ярких багровых рун — технику под названием *«Девять Кругов Истребления Небес»* — как его меридианы тут же отозвались резкой, предупреждающей вспышкой боли, а изо рта вырвался тяжелый кашель.

«Глупец!» — сурово оборвал его Син Тянь. — «Ты пытаешься черпать океан через соломинку. Да, я исцелил твою плоть. Я укрепил твои кости своей божественной эссенцией, сделав их прочнее, чем у любого практика стадии Закалки Тела в твоём ничтожном городишке. Но твои духовные каналы... они пусты. В тебе нет ни единой капли очищенной ци. Ты сейчас подобен нищему, который знает, где зарыты сокровища императора, но у него нет даже лопаты, чтобы начать копать».

Вэй Лин открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они больше не были бледными и покрытыми грязными кузнечными ожогами. Кожа стала чистой, упругой, с едва заметным бронзовым отливом, а под ней угадывался рельеф жестких, сухих мышц. Он чувствовал, что стал в разы сильнее, чем раньше, но Син Тянь был прав — магии, чистой ци, в нём не было.

— С чего мне начать? — тихо спросил парень, принимая правила этой новой, пугающей игры. — Мой мир знает только девять стадий культивации перед тем, как человек сможет сформировать Духовное Ядро и стать истинным бессмертным. Начальная стадия — Закалка Тела. Мои сверстники в

Синьяне тратят годы, чтобы просто укрепить свои мышцы с помощью простых пилюль.

В его разуме послышался презрительный, сухой смешок Бога Войны.

«Закалка Тела? То, что ваши современные так называемые "мастера" называют укреплением тела — это детская забава. Они просто насыщают плоть поверхностной, грязной ци, делая кожу чуть толще, а кости чуть жестче. Но их внутренние органы остаются хрупкими, а каналы — узкими. Настоящая культивация Изначальной Эпохи начиналась с полного разрушения и перерождения. И у меня есть то, что тебе нужно».

В центре сознания Вэй Лина вспыхнул небольшой серебристый свиток. Символы на нем заструились, складываясь в слова, утерянные миллионы лет назад.

«*Техника Первозданного Горна Вселенной*», — прочитал Вэй Лин, и его сердце забилося чаще. Кузнечные метафоры были ему близки как никому другому.

«Именно», — подтвердил Син Тянь, и в его голосе проснулся интерес наставника. — «Твое тело — это кусок сырого, неочищенного железа. Современные практики просто полируют его снаружи, чтобы оно блестело. Эта же техника превратит твою плоть в наковальню, а твою волю — в молот. Ты будешь поглощать самую агрессивную, самую грязную и тяжелую ци из окружающего мира, загонять ее внутрь своих костей и переплавлять ее, выжигая все приме-

си. Это будет больно. Невероятно больно. Словно тебя заживо опустили в плавильный тигель. Но если выдержишь — твое тело станет нерушимым артефактом еще до того, как ты официально переступишь порог истинной культивации».

Вэй Лин не колебался ни секунды. Он сел на холодный обсидиановый пол в позу созерцания, скрестив ноги. Мысли о Мэйлинь, о Ван Тэне, о трех месяцах, которые таяли с каждым часом, вытеснили из его головы любой страх перед физической болью.

— Показывай, как, — твердо произнес он.

«Хороший настрой, смертный. Посмотрим, из какого металла ты отлит», — одобрил древний бог.

Вэй Лин сделал глубокий вдох и закрыл глаза, следуя ментальным указаниям Син Тяня. Первым шагом было открытие пор кожи для внешней энергии. Подземелье, находившееся под Магическим Лесом, веками копило в себе тяжелую, мрачную и дикую ци земли и древней крови. Обычные практики никогда бы не стали поглощать такую грязную энергию без предварительной фильтрации защитными артефактами — это могло свести с ума или разорвать меридианы.

Но Вэй Лин начал втягивать ее напрямую.

Стоило ему активировать первые меридиональные точки на ладонях и стопах, как окружающий воздух вокруг него завихрился. Тяжелые, темно-серые потоки дикой энергии хлынули внутрь его тела через поры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.